

О. Б. Бубенок

СЛЕДЫ ИСЧЕЗНУВШИХ ТОРКОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Исследователи уже давно обратили внимание на то, что в XI–XII вв. огузы, известные в древнерусских летописях как “торки”, сыграли заметную роль в истории Южной Руси именно в тот период, когда отношения Руси с кочевниками-половцами начинали приобретать черты конфронтации. В этой ситуации в первую очередь киевские, черниговские и переяславские князья стали использовать военный потенциал торков для обороны южных границ своих княжеств от степных соседей. Вследствие этого на Правобережье, в бассейне р. Рось, образовалась даже племенная конфедерация “Черные Клобуки”, куда, кроме торков, вошли отдельные родо-племенные группы печенегов, берендеев и других тюркоязычных групп. Тем не менее нам не известна дальнейшая судьба этого полукочевого населения, прежде всего торков, в монгольский период. По этому поводу выдвигались различные гипотезы.

Так, первая гипотеза была высказана в XVIII в. Н. М. Карамзиным в его “Истории государства Российского” и связывала появление названия *Черкасы* в Поднепровье с “Торками и Берендеями”, что имело отношение к событиям предмонгольского периода. В частности, исследователь отметил: “И так Козаки были не в одной Украине, где имя их сделалось известно по Истории около 1517 года; но вероятно, что оно в России древнее Батыева нашествия, и принадлежало Торкам и Берендеям, которые обитали на берегах Днепра, ниже Киева. Там находим и первое жилище Малороссийских Козаков. Торки и Берендеи назывались Черкасами: Козаки также. Вспомним Касогов, обитавших, по нашим летописям, между Каспийским и Черным морем; вспомним и страну Казахию, полагаемую Императором Константином Багрянородным в сих же местах; прибавим, что Оссетинцы и ныне именуют Черкесов Касахами: столько обстоятельств вместе заставляют думать, что Торки и Берендеи, называясь Черкасами, назывались и Козаками...” [Карамзин 1892, 243]. В данном случае можно увидеть совпадение его идеи с фрагментом Воскресенской летописи. Так, Воскресенская летопись, составленная в конце XVI в., под 1152 (6660) г. сообщает: “В лето 6660... Изяслав же то слышав, скопя свою дружину поиде, поима с собою Вячеславль полк весь, и все Черные Клобуки, еже зовутся Черкасы...” [Воскресенская... 1856, 56].

Кроме того, Н. М. Карамзин первым высказал оригинальную идею относительно связи черных клобуков с каракалпаками Приаралья. Аргументы для этого были следующие: “Где в одних летописях говорится о Торках, Берендеях и Печенегах, там в других названы только Черные Клобуки... Сие имя было для них общим и дано им, без сомнения, от черных шапок. Тоже значит имя нынешних Каракалпаков, некогда обитавших, по собственному их преданию, в России Восточной... Сих же Черных Клобуков называли Черкасами” [Карамзин 1818, 121, прим. 218]. Идея Н. М. Карамзина о связи потомков черных клобуков с черкасами Поднепровья и каракалпаками Средней Азии нашла поддержку в работах некоторых исследователей XIX – начала XX вв.

Так, И. Березин по этому поводу отметил следующее: “Нынешние Каракалпаки, обитавшие по высотам Уст-юрта, побережью Азовского моря (Аральского озера?) и в Волжском низовье, рассказывают о своем происхождении следующим образом: мы

Каракалпаки; жили мы в Бухарской степи, кочевали с Карсаками (так называют в волжском низовье Киргизов) Китайскими, и сами стали Карсаками Каракалпакского рода. В этих словах заключается общая история Тюркских и Монгольских племен, в смешении утрачивающих свое родовое название и принимающих чужое; таким образом и Каракалпаки, жившие у Черкесов, назывались Черкесами” [Березин 1855, 106]. Как видим, гипотеза И. Березина о происхождении каракалпаков несколько отличается от предположения Н. М. Карамзина, потому что не связывает их происхождение с черными клобуками Поросья. Однако при этом поддерживается идея о связи каракалпаков с черкасами.

Ф. Брун поддержал данную гипотезу И. Березина о связи происхождения каракалпаков с черкесами и киргизами и при этом отметил, что “между ними еще то сходство, что каждый из этих народов передал свое имя Каракалпакам” [Брун 1879, 115]. Вместе с тем Ф. Брун не отрицал и гипотезу Н. М. Карамзина о связи носителей этнонима “черкас” с черными клобуками. По его словам, “под этим именем подразумеваются и Черные Клобуки и Каракалпаки” [Брун 1879, 115].

Однако уже в начале XX в. к версии о черноклобуцком происхождении каракалпаков исследователи стали подходить с большой осторожностью и связывали происхождение данного кочевого этноса не собственно с торками и берендеями Поросья, а с другими родственными им этническими группами, обитавшими также в Центральной Азии. Так, В. И. Масальский по этому поводу отметил: “Происхождение каракалпаков и их судьба в точности неизвестны; существует мнение, что они близкие родичи, если не потомки печенегов, которые после долгих скитаний в степях Средней Азии и юго-востока Европы утвердились в низовьях Сыр-дарьи и по Яны-дарьи, но были оттуда вытеснены киргиз-казаками” [Масальский 1913, 390–391]. В связи с этим следует напомнить, что в составе племенной конфедерации Черных Клобуков в Поросье, кроме торков, берендеев и других тюркоязычных групп, были также печенеги. По этому поводу Д. А. Расовский подчеркнул: “Известно, как при монголах далеко могли оказаться от мест своего первоначального поселения отдельные, покоренные ими народности” [Расовский 2012, 109, прим. 427].

Что же касается левобережных торков, проживавших на землях Переяславского и Черниговского княжеств, то П. Голубовский, А. В. Стороженко [Стороженко 1899; Стороженко 1900, 33–43] и В. Г. Ляскоронский [Ляскоронский 1905, 7] считали, что они были ассимилированы славянским населением, но уже в домонгольский период. При этом упомянутые исследователи подкрепляли свои предположения данными топонимии, сохранившейся в лесостепи на Левобережье Днепра.

П. Голубовский, а также современные исследователи О. Б. Головки и О. Гундогдыев не сомневались в том, что торки, как правобережные, так и левобережные, в предмонгольский период подверглись ассимиляции со стороны славянского окружения и оказали заметное влияние на формирование культуры населения Южной Руси [Голубовский 1884; Головки 1999; Гундогдыев 1998].

Однако такой подход отличается от взглядов М. Грушевского и Д. Расовского. Так, М. Грушевский считал: “...татарська орда потягнула до себе чорно-клобуцькі ватаги України, чи свідомо, з власної ініціативи, чи силою несвідомої атракції. Тому не чуюмо про них нічого почавши від татарського походу... тільки дрібні їх колонії між українською людністю, могли асимілювати ся. Головна ж маса мусіла назад вернути ся в степи й влити ся з татарською ордою, як і ті їх земляки, що лишили ся в степах...” [Грушевський 1992, 550–551].

Такого же мнения придерживался и Д. А. Расовский: “Летописные сведения о Черных Клобуках на Руси прекращаются на грани XII–XIII вв.: в 1202 г. они упоминаются под этим общим для них именем, в 1225 г. в последний раз упоминаются Торки, а в 1206 г. – Берендеи. О Печенегах знаем лишь до 1169 г. Все эти сведения относятся к Киевской Руси, о других местах их поселений у нас есть лишь единичные упоминания XI–XII вв. и о дальнейшей судьбе там Черных Клобуков мы ничего не знаем. В последний раз в истории Черные Клобуки упоминаются при нашествии Татар, и не в русском

источнике, а тюркском у Рашид-эд-дина... Вероятнее всего, что Татары, как полагает Грушевский, вытязнули пограничных Черных Клобуков в степи, обратив их в своих рабов. Проезжавший через Поросье шесть лет спустя Плано Карпини уже не встретил здесь каких либо обитателей...” [Расовский 2012, 109].

Отметим, что наиболее загадочной остается судьба правобережных торков Поросья, игравших ключевую роль в объединении черных клобуков. Скажем так, гипотеза Н. М. Карамзина о черкасах в Поднепровье уже перестала занимать умы ученых, ибо, как мы увидим, она не имеет под собой никаких оснований. Уж слишком значителен хронологический разрыв между последним упоминанием о черных клобуках при описании событий первой половины XIII в. и первыми сведениями документов о нахождении черкасов в Поднепровье, относящихся к XV в. Еще больше прошло времени между последними упоминаниями о черных клобуках, датированными событиями первой половины XIII в., и первым упоминанием о народе “каракалпаки” в Приаралье. Так, первые исторические сведения о каракалпаках относятся лишь к 1598 г. П. П. Иванов в одной из грамот бухарского хана династии Шейбанидов – Абдуллы-хана (1583–1598) – нашел перечисление оседлых, полуседлых, кочевых народностей, проживающих в окрестностях Сыгнака, среди которых упоминаются и каракалпаки [Иванов 1940]. Поэтому не имеет под собой оснований гипотеза Н. М. Карамзина и его единомышленников, согласно которой монголы могли переселить черных клобуков далеко на Восток, в Туркестанский край, где они и могли положить начало каракалпакам.

Следует отметить, что в этнонимии тюркских народов довольно часто встречаются названия, указывающие на цвет головных уборов их носителей. Так, кроме каракалпаков (черных колпаков), можно вспомнить племя в Турции *карапапаху* – “черные папахи” [Еремеев 1970, 139], а также центральноазиатские племенные группы *ак боркли* – “носящие белые шапки” и *кара боркли* – “носящие черные шапки” [Баскаков 1980, 204–205].

Обратим также внимание на судьбу левобережных торков. Так, последнее упоминание торков на Переяславской земле уже относится к 1125 (1126) г. Лаврентьевская летопись, повествуя о нашествии половцев на владения переяславского князя Ярополка в 1125 г., после смерти киевского князя Владимира, еще упоминает торков [Лаврентьевская... 1926–1928, 204]. Ипатьевская же летопись подает несколько в ином ракурсе последовательность этих событий и относит их к 1126 г. [Ипатьевская... 1871, 208]. В Радзивилловской и Воскресенской летописях данные события описаны более сжато и близки по содержанию к версии Лаврентьевской летописи [Радзивилловская... 1989, 95; Воскресенская 1856, 26].

Весьма характерно, что после 1125 г. торки перестали упоминаться древнерусскими летописями как жители Переяславской земли. Однако это не может означать, что они ушли из Левобережья. Вместо этого этнонима летописцами были зафиксированы родоплеменные названия тюркского происхождения, что вполне соотносимо с пребыванием торков. Так, под 1150 г. Лаврентьевская, Ипатьевская, Воскресенская и Радзивилловская летописи упомянули племя *турпей* при описании междоусобной борьбы, которая имела место в Южной Руси [Лаврентьевская... 1926–1928, 225; Ипатьевская... 1908, 275; Воскресенская... 1856, 48; Радзивилловская... 1989, 119].

Н. А. Баскаков происхождение этнонима *Турпей* представлял следующим образом: “...название огузского племени древних огузов (узов) – черных клобуков русских летописей” [Баскаков 1985, 66]. С. А. Плетнева считала турпеев небольшим этносом, входившим в черноклобуцкий союз и проживавшим на “переяславско-черниговском пограничье” [Плетнева 1990, 78, 81]. С ней был совершенно не согласен О. Гундогдыев, который относил турпеев к числу “крупных родов огузов” [Гундогдыев 1998, 116]. Аналогичного мнения придерживается также А. Л. Никитин [Никитин 2001, 491].

Древнерусские летописи упоминают и другую тюркоязычную группу Левобережья. Так, только в Ипатьевской летописи лишь один раз под 1160 г. упомянуты каепичи [Ипатьевская... 1908, 349]. Относительно происхождения каепичей и их названия среди

ученых существуют различные мнения. Так, С. А. Плетнева считала каепичей, как и турпеев, небольшим этносом в составе в черноклобуцком союзе, проживавшего на Левобережье [Плетнева 1990, 78, 81]. П. П. Толочко видел в каепичах одно из торкских племен Левобережья [Толочко 1999, 93]. Н. А. Баскаков происхождение этнонима *каепичи* объяснил, кажется, довольно-таки убедительно: “Каепичи – название огузского племени древних узов – Черных Клобуков русских летописей” [Баскаков 1985, 65]. Такого же мнения о происхождении этнонима *каепичи* придерживался также К. Г. Менгес [Менгес 1979, 61, прим. 1]. Кроме того, О. Гундогдыев, который поддерживал этимологию Н. А. Баскакова, не сомневался в том, что *каепичи* имеют непосредственное отношение к известному огузскому племени *кайы* [Гундогдыев 1998, 116].

Однако наибольшие споры среди исследователей вызывает упоминание летописей под 1185 г. о “Коуях Черниговских”. Они фигурируют в рассказе о походе новгород-северского князя Игоря 1185 г. в качестве помощи со стороны Черниговского княжества, т. е. они состояли на службе у Ярослава Всеволодовича [Ипатьевская... 1908, 437]. Относительно происхождения “Коуев Черниговских” среди исследователей существуют различные мнения.

Так, Д. А. Расовский считал “Ковуев Черниговских” частью черных клобуков [Расовский 1933; Расовский 2012, 136–137], П. П. Толочко – частью торков [Толочко 1999, 94], А. А. Росляков видел в коуях огузов-кайы [Росляков 1956, 14]. А. И. Попов соотносил коуев с частью огузов, но он не считал их племенной группой, а видел в них особый отряд, который шел в погоню за врагом (от тюрк. *ковмак* – “гнать”) [Попов 1973, 124].

Исследователи уже давно обратили внимание, что коуи упоминаются в древнерусских летописях не только под 1185 г., но и под 1151, 1162, 1170 гг. На основании этого С. А. Плетнева сделала следующий вывод: “Коуи – четвертое по величине (и значимости) этническое соединение, входившее в союз черных клобуков” [Плетнева 1990, 81]. Говоря о тюркском происхождении коуев, исследователи обычно ссылаются на выводы К. Г. Менгеса и Н. А. Баскакова. К. Г. Менгес, в частности, отметил: “Это имя может быть тождественно с названием шорского племени *Qobuı*... или может представлять собою форму *qoıu* (Кашг.), *qoıu*, *qu* (Радлов) ‘лебедь’” [Менгес 1979, 61–63, прим. 2]. Н. А. Баскаков далее развил гипотезу К. Г. Менгеса и представил происхождение этнонима следующим образом: «Ковуй – название племени черных клобуков. <...> Наиболее вероятной и по существу единственной этимологией этого названия является сближение этого названия с названием птицы и связанного с этой птицей цветовым оттенком, а именно... ‘племя, имеющее своим тотемом лебедя’, ‘племя лебединцев’; ‘бледный, серый, голубой, сивый, светло-желтый, буланый’» [Баскаков 1985, 65].

Симптоматично, что последнее упоминание об одной из родоплеменных групп огузов-торков – коуях на Левобережье относится лишь к 1185 г. Это можно объяснить и тем, что левобережные торки к началу XIII в. уже были ассимилированы славянами.

Однако ситуация с правобережными торками, проживавшими в бассейне р. Рось, выглядит более сложной. В последний раз черные клобуки упомянуты под их общим именем в 1202 г. Так, Лаврентьевская летопись о них сообщает: “Того ж лета вста Рюрик на Романа, и приведе к себе Олговиче в Киев, хтя пойти к Галичю на Романа; и упреди Роман, скопя полкы Галичские и Володимирские, и въеха в Русскую землю, а Володимиричи лишася Рюрика ехаша к Роману, Чернии Клобуци вси совокупиешеса ехаша к Роману...” [Лаврентьевская... 1846, 175–176]. Последнее же упоминание о правобережных торках относится к 1235 г. Так, Ипатьевская летопись сообщает: “Придоша Галичане на Каменец, и вси Болховьские князи с ними, и повоеваша по Хомору и поидоша ко Каменцю, взявши полон велик поидоша. В то же время послал бяше Володимер Данилови помощь, Торки и Данила Нажировича. Данилове же бояре выехавши из Каменца, снемшеса с Торкы и постигоша е...” [Ипатьевская... 1843, 174]. Далее древнерусские летописи о них молчат. Однако это не означает, что к моменту нападения войск Батгя на Киев торков там не было. Сведения Рашид ад-Дина свидетельствуют о том, что черные клобуки или торки в 1239–1240 гг. еще оставались там.

Так, Рашид ад-Дин сообщает: “Осенью хулугинэ-ил, соответствующего месяцам 637 г. х. [1239 г. н. э], когда Гуюк-хан и Менгу-каан, согласно повелению каана [Угедея], возвратились из Кипчакской степи, царевичи Бату с братьями, Кадан, Бури и Бучек направились походом в страну русских и народа черных шапок и в девять дней взяли большой город русских, которому имя Манкер-кан, а затем проходили облавой туман за туманом все города Владимирские и завоевали крепости и области, которые были на их пути...” [Рашид-ад-дин 1960, 44–45]. Персидский автор использовал для обозначения черных клобуков в одном случае термин “кам-и сиях-кулахан” – “народ черношапочников”, а в другом случае – “кам-и кулах-и сияхан” – “народ (племя) шапок черных” [Рашид ад-Дин 1980, 162]. В данном случае нет сомнений в том, что под этим названием упомянуты черные клобуки, а под названием города “Манкер-кан” следует подразумевать Киев.

Плано Карпини, который в начале 1246 г. проезжал из Киева в Канев, ничего не сообщает ни о “черных шапках” или торках, ни о черкасах, ни о куманах-половцах [Карпини 1957, 67–68]. Стало быть, с 1240-го по 1246 г. черные клобуки куда-то переселились. Вопрос в том, остался ли кто-то из них под Киевом на Правобережье. В связи с этим имеет смысл обратиться и к другим источникам.

Так, для гипотезы о переселении монголами в степь черных клобуков, среди которых было немало торков, археологические основания появились несколько десятилетий назад. Г. А. Федоров-Давыдов отметил в золотоордынское время, которое он назвал IV периодом в истории кочевников южнорусских степей, передвижение полукошевого населения из Поросья в другие районы юга Восточной Европы. Ситуация, по его словам, выглядит следующим образом: “Следует отметить продвижение кочевых масс в IV (золотоордынский период) в район Тираспольского течения Днестра и в район Самары на Днестре. В этих местах в предыдущие периоды половецкое население было весьма скудным (хотя летопись знает заорельские кочевья половцев). Из каких мест происходило это заселение? Точно указать на источники заселения этих районов в IV период невозможно, но, основываясь на составе погребальных типов в этих местах, можно в какой-то степени реконструировать направление основных движений половцев в золотоордынский период. ...Так, следует обратить внимание на тот факт, что увеличению населения в Поднепровье соответствует резкое уменьшение кочевого населения в Поросье. Учитывая это, мы можем предположить, что часть поросских племен передвинулась в Молдавию, подобно тому как часть поросских кочевников переселилась в Поволжье. ...Это движение поросских племен в IV период в районы Поднепровья и Поволжье находит подтверждение и в вещевом материале. Особое внимание в связи с этим вызывают серьги или височные кольца типа IV и (их вариант) типа V. Эти серьги в домонгольское время были распространены только в Поросье и на Киевщине. Такой узкий ареал ранних находок серег IV и V типов заставляет предположить, что они принадлежали черным клобукам. В IV период серьги типов IV и V в Поросье не встречены, но известны находки таких серег в Поднепровье (клад XIV в. в Будешты), в Поволжье (т. е. в районах предполагаемого нами переселения части черных клобуков в золотоордынскую эпоху) и в Маджарах (в слое XIV в.). Тезис о принадлежности серег типов IV и V черным клобукам подтверждается также и характеристикой погребений с этим украшением по типам могил. Известны могилы следующих типов с серьгами типов IV и V: типа AI – 1, типа BII – 1, типа BIII – 1, типа BXIII – 1, типа BXIV – 1, типа VI – 2, типа ГI – 1. Половина погребений с данными серьгами относится к типам, характерным именно для черноклобуцкого Поросья (BI – BIII, BXII – BXIV)” [Федоров-Давыдов 1966, 153]. К этому следует добавить наблюдения В. В. Отрощенко и Т. А. Вовк, в соответствии с которыми во второй половине XIII в. “половцы возвращались в Половецкую степь и расселялись в Поросье”. Доказательством этого, по мнению исследователей, может являться комплекс Таганча, который представлял собой погребение знатного половца [Отрощенко, Вовк 2000, 85]. Отметим, что если бы здесь продолжали

находиться торки и другие представители черных клобуков, то такое расселение не было бы возможным.

Поэтому можно поддержать следующий вывод П. П. Толочко: «Левобережные торки не имели “своей” территории, жили разрозненно и, очевидно, сравнительно быстро подверглись русской окультурации. Будучи христианами, они хоронили своих умерших на общих кладбищах и, естественно, не сопровождали их богатым инвентарем. Следовательно, вычленив их среди русских захоронений можно лишь на основании антропологического анализа. Процесс ассимиляции русичами торческого населения южнорусского пограничья, протекавший активно в XI – начале XIII вв., окончательно завершился, по-видимому, уже в эпоху монгольского владычества. Правда, в этот период, как свидетельствуют археологические материалы, часть черных клобуков Поросья откочевывает в степи Поволжья, а также в Поднестровье» [Толочко 1999, 107]. Как известно, монгольская инвазия являлась тем последним катаклизмом в истории Евразии, который в значительной степени изменил этническую карту юга Восточной Европы. Однако в нашем случае маловероятно, чтобы все черные клобуки Поросья могли уйти при монголах в степи. Чтобы это проверить, обратимся не только к данным археологии и летописей, но и к другим источникам. Особый интерес могут представлять данные топонимии. В нашем случае названия населенных пунктов, которые могут содержать этнонимы “черные шапки” или “торки”, помогут определить, остались ли торки в монгольское время на славянских землях, т. е. можно вести разговор о возможной ассимиляции торков славянским большинством.

Следует отметить, что на Левобережье Среднего Поднепровья таких названий сохранилось очень мало. Еще в конце XIX в. А. В. Стороженко склонен был локализовать торков на том месте, где сейчас находятся поселения *Большая* и *Малая Каратуль*, а также протекает речка *Каратулька*. Основанием для этого стало само название *Каратуль*, или *Кара-Тули*, которое исследователь перевел с тюркских языков не иначе как “Черные Шапки”, т. е. эквивалент названию правобережных племен тюркского происхождения – “Черные Клобуки” [Стороженко 1899; Стороженко 1900, 33–43]. Эти названия сохранились до настоящего времени. Ныне на левобережье Киевской области, на территории Переяслав-Хмельницкого района, на берегах речки Каратулька, которая является притоком Трубежа, существуют два села – Большая Каратуль и Малая Каратуль. Весьма характерно, что возле села Большая Каратуль находятся остатки Змеевых валов и курганы времен Киевской Руси [Київська обл. 1971, 523, 525].

Однако аргументы А. В. Стороженко оказались неубедительными для В. Г. Ляскоронского, который не верил утверждению А. В. Стороженко, что торки жили возле самого Переяславля, ибо границы княжества, которые должны были защищать именно торки, в XI–XII вв. проходили на значительном расстоянии от Переяславля [Ляскоронский 1905, 5]. Относительно же гипотезы о тюркском происхождении названий *Великая* и *Малая Каратуль* В. Г. Ляскоронский заметил: “Конечно, мы не станем отрицать, что торки и другие соплеменные им кочевники могли обитать близ г. Переяславля, но считать их местожительство исключительно в этих одних и при этом весьма близких к Переяславлю местах – вряд ли основательно” [Ляскоронский 1905, 7]. В качестве альтернативы Л. Г. Ляскоронский предложил свою гипотезу, касающуюся локализации торков на землях Переяславского княжества. Он считал, что поселения торков должны были находиться на пути движения кочевников-половцев на Переяславскую землю. При этом он выделил два маршрута – северо-восточный и юго-западный. По словам исследователя, первый путь “пролегал по тому водоразделу, который находился между Десной и Сеймом, с одной стороны, и левыми притоками среднего течения р. Днепра – с другой”. Не может вызывать возражений мнение В. Г. Ляскоронского, что именно в этом районе переяславские князья должны были поселить выходцев из степей – беловежцев, хазар и торков. По наблюдениям исследователя, в пользу этого могут свидетельствовать сохранившиеся до наших дней названия населенных пунктов возле верховой р. Остер – *Белая Вежа*, *Казары* и *Туркеневка*. Что же касается второго маршрута пути

кочевников, то В. Г. Ляскоронский определил его следующим образом: "...он проходил по тому возвышенному равнинному плато, которое простирается между реками Трубежом и Сулой, с одной стороны, а затем между нижним течением Сулы, Ворсклы и Орели – с другой" [Ляскоронский 1905, 20]. В этом районе находится Воинское городище, название которого исследователь связал с летописным Воинем. В нем-то, по мнению В. Г. Ляскоронского, и должны были находиться торки [Ляскоронский 1905, 26].

Несмотря на то что Л. Г. Ляскоронский пытался подвергнуть критике взгляды А. В. Стороженко, наблюдения обоих ученых о возможной локализации торков на Левобережье оказались убедительными для Д. А. Расовского [Расовский 1933; Расовский 2012, 136–137], П. П. Толочко и др. По мнению П. П. Толочко, переяславские торки проживали на левобережье Трубежа, что подтверждается данными гидро- и топонимии – речка *Корань* (*Карань*), села *Большая Каратуль* и *Малая Каратуль* [Толочко 1999, 92–93]. Весьма примечательно, что все эти названия содержали тюркский термин *кара* – “черный”.

Однако на этом перечень названий Левобережья, которые можно связать с черными клобуками или торками, исчерпан. Нет на левобережье Среднего Поднепровья названий на местности, содержащих этнические названия *каепичи*, *турнеи*, *коуи*. Исходя из этого, можно сделать вывод, что процесс ассимиляции славянами торческого населения на землях Переяславского и Черниговского княжеств в основном уже завершился в предмонгольский период, ибо упомянутые родоплеменные группы были рассеяны на большой территории в окружении славянского большинства.

Несколько иную ситуацию наблюдаем на Правобережье, на землях, значительно удаленных от Киевского княжества. Так, на Волини недалеко от г. Луцка до сих пор существует поселение, носящее название *Торчин* (рис. 1) [Волинська обл. 1970, 429–430]. Существует мнение, что это поселение упоминается в Ипатьевской летописи под 1230 г. как одна из крепостей Галицко-Волинского княжества. Действительно, в Ипатьевской летописи об этом сказано: «В лето 6739... Данил же из Руской земли взя себе часть Торцький, и паки да и детем Мстиславим, шюрятом своим, рек им: “за отца вашего доброеанье примете и держите Торцький город...”» [Ипатьевская... 1843, 171]. Известны поселения с аналогичными названиями и на других землях бывшего Галицко-Волинского княжества (рис. 1). Так, на территории современной Львовской области в Радоховском районе возле села Быкив (Биків) известно село *Торки*, а в Старосамборском районе на берегах Днестра – с. *Торчиновичи* [Львівська обл. 1968, 635, 787]. Есть аналогичные названия и на территории современной Житомирской обл. Так, в Володарско-Волинском р-не недалеко от с. Березовка существует село *Торчин*, возле которого находится курганный могильник древнерусского времени. В Коростышевском р-не Житомирской обл. находится также село *Торчин* [Житомирська обл. 1973, 211, 372].

Особый интерес представляет то, что немало населенных пунктов с аналогичными названиями сохранились на территории Винницкой обл. (рис. 1), которая в предмонгольский период не входила в состав Руси. Так, в Тростянецком р-не известно село *Торкановка* (*Торканівка*), в Тульчинском районе – *Торков* (*Торків*), в Хмельницьком р-не – *Торчин* [Вінницька обл. 1972, 627, 660, 677].

По мнению А. Б. Головки, данная территория в предмонгольский и монгольский периоды представляла собой так называемую “Болоховщину”, которая располагалась “вдоль Днестра, а также в бассейне Южного Буга” [Головка 2006, 113]. Относительно употребления в древнерусских летописях термина “болоховские князья” А. Б. Головка высказался следующим образом: «В состав Болоховщины, относительно которой мы считаем некорректным в научном плане употребление содержательного понятия “земля”, входили также территории Южной Погорини, и поэтому болоховские князья были потомками вышеупомянутых мелких владетелей XII в. Вероятно, власть или влияние болоховских князей распространялись каким-то образом и на определенную часть Понизья» [Головка 2006, 325]. “Имеются основания считать, – отмечает исследователь, – что неполовецкие тюркские формирования обитали на территории Понизья и

Болоховской земли” [Головко 2006, 113]. Следовательно, это неполовецкое тюркское население Болоховщины могли представлять торки. Сохранение до нашего времени топонимов – *Торкановка, Торков, Торчин* – позволяет считать, что на территории Болоховщины торческое население могло продолжать находиться и в монгольское время.

Для нас же особый интерес могут представлять аналогичные названия в правобережной части Киевской обл. Оказывается, они все же есть (рис. 1). Так, в Ставищенском р-не до сих пор существует село *Торчица*, возле которого обнаружены остатки городища древнерусского времени. Возле села Юрковка того же района находится с. *Торчицкий Степок*. Весьма любопытно, что с. Стрижавна Ставищенского р-на расположено на левом берегу реки *Торча*, притока Тикича. Стоит напомнить, что районный центр Ставище расположен в 6 км от трассы Киев – Одесса и расстояние от этого поселка до Киева составляет 136 км [Київська обл. 1971, 618, 597]. Кроме того, О. Гундогдыев отметил на землях бывшего Киевского княжества еще несколько аналогичных названий населенных пунктов, имеющих отношение к названию р. Торчи: *Торчин, Торков*. Приводит он также и другие гидронимы: *Торчи* (приток Роси), *Торчанка*. Имеются и названия местностей: *Торчицкие взгорья, урочище Торч* [Гундогдыев 1998, 134].

Таким образом, данные топонимии свидетельствуют о том, что в золотоордынское время не все торческое население в районе Поросья было переселено монголами в глубь степи. Поэтому можно считать, что в бассейне реки Торчи это население оставалось и при монголах.

В контексте распространения на территории Украины топонимов типа *Торков, Торчин, Торки, Торчиновичи* для сравнения большой интерес представляет территория соседней России. Там также известны аналогичные названия. Так, были зафиксированы: в Спасском районе Рязанской обл. село *Торчино*, в Переяславском р-не Ярославской обл. – деревня *Торчино*, в Суздальском р-не Владимирской обл. – село *Торчино*, в Кадуйском р-не Вологодской обл. – деревня *Торки*, в Почарском р-не Брянской обл. – хутор *Торкин*, в Лужском р-не Ленинградской обл. – поселок *Торковичи* и селение *Торковичское*, в Киевском р-не Калужской обл. – деревня *Торкотино*, во Мценском р-не Орловской обл. – деревня *Торкуновка*, в Батецком р-не Новгородской обл. – деревня *Торчиново*. Как видим, в России количество топонимов, производных от этнических названий *торк* или *торчин*, встречается в не меньшем количестве, чем на землях Украины. Эта ситуация в ряде случаев подтверждается данными древнерусских летописей. При этом отметим одну закономерность: топонимы данного типа встречаются только на славянских территориях, входивших в предмонгольское время в состав княжеств Руси и не испытавших существенных изменений в монгольское время в составе населения. Нет их, например, на территории Молдовы и Нижнего Поволжья, куда, по данным Г. А. Федорова-Давыдова, монголы могли переселить из Поросья черных клобуков [Федоров-Давыдов 1966, 153]. В этом нет ничего удивительного, ибо переселенные монголами торки попали в окружение иного неславянского населения, где для обозначения огузских групп населения использовались другие этнические названия.

Если бы в монгольское время значительное количество торков сохранилось в лесостепном Правобережье Днестра в Поросье, то мы имели бы гораздо больше аналогичных названий, находившихся вне пределов бассейна р. Торчи. Следует добавить, что в предмонгольское время здесь древнерусскими летописями был зафиксирован административный центр черных клобуков – г. Торческ. В сложившейся ситуации возникает закономерный вопрос: почему переселенческая политика монголов затронула лишь черных клобуков в Поросье, но не коснулась торков других территорий?

Чтобы ответить на это, необходимо учитывать следующие факторы. Прежде всего, обратим внимание на компактность проживания торков в Поросье и рассеянность их на собственно славянских территориях, где торки оказались в окружении славянского большинства. В последнем случае уже в домонгольское время торки должны были подвергнуться не только этнической, но и культурно-хозяйственной ассимиляции со стороны местного земледельческого населения. Одним словом, к моменту прихода монголов

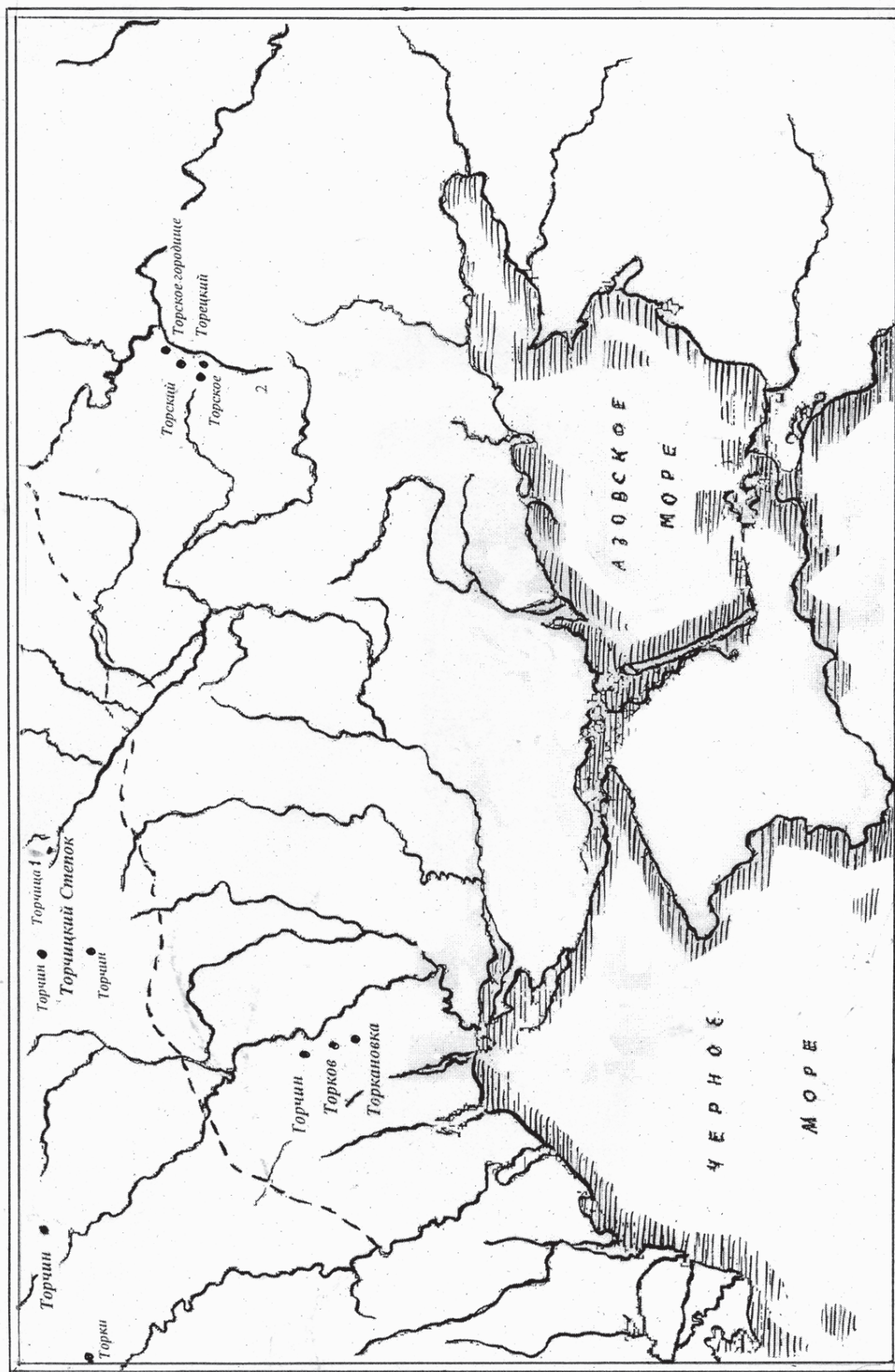

Рис. 1. Данные топонимии и гидронимии о расселении торков в Северном Причерноморье:
1 – р. Торча; 2 – р. Тор (Казенный Торец).

эти торки уже мало чем культурно отличались от славян и соответственно этому воспринимались монголами как часть местного земледельческого населения. Иная ситуация до прихода монголов сохранялась в Поросье, где существовала вассальная по отношению к Киеву племенная конфедерация черных клобуков. Нам известно, что в состав этих племен входили не только торки, но и осколки племен печенегов, берендеев, половцев и других кочевых тюркоязычных групп. Несмотря на существование в среде черных клобуков административных центров городского типа (например, г. Торческ), эти племена сохраняли многие традиции степной жизни и продолжали заниматься скотоводством, ведя полукочевой образ жизни. Именно эти факторы и предопределили их дальнейшую судьбу при завоевании монголами, которые воспринимали черных клобуков не как земледельческое, а как скотоводческое кочевое население.

Скажем так, внутренняя политика монголов по отношению к покоренному оседлому земледельческому населению резко отличалась от тех действий, которые проводили монгольские завоеватели относительно завоеванных племен кочевников. В первом случае, несмотря на то что земледельцы в Улусе Джучи занимали более низкий социальный статус, чем кочевники, они оставались на местах своего прежнего проживания, выполняя установленные монголами налоги и повинности. К числу этого населения можно отнести славян и проживавших в их среде торков. Что же касается кочевого населения, то, вопреки более привилегированному положению кочевников в Золотой Орде, монголо-татары стремились уничтожить прежние племенные формирования своих предшественников. В соответствии с традициями предыдущих кочевых обществ монголы дробили прежние племенные образования на родовые группы и включали их на правах родов в состав новых племен. При этом представители одного прежнего племени кочевников могли оказаться в составе новых племен, находившихся в составе разных улусов Золотой Орды. Это соответствовало новой созданной монголами военно-административной системе. Пример с кипчаками является наилучшим подтверждением этого. Как видим, такая же судьба постигла и большинство черных клобуков Поросья.

В контексте данной проблемы особый интерес может представлять происхождение находящихся в среднем течении Северского Донца топонимов и гидронимов с основой *тор-*: реки *Тор (Большой Тор, Казенный Торец), Сухой Торец, Кривой Торец*, село *Торское* на реке Жеребец, поселок *Торский* и *Торецкий* на реке Казенный Торец, *Торское городище* возле города Славянска (рис. 1). Довольно характерно, что большинство этих гидронимов и топонимов сосредоточены на правом берегу Северского Донца [Шрамко 1962, 321–322]. Именно здесь еще столетие тому назад Е. П. Трефиловым и В. А. Городцовым возле сел Торское и Марченки были обнаружены в курганах, по крайней мере, три погребения кочевников, совпадающие буквально в деталях с описанием Ибн Фадлана похорон знатного огуза [Плетнева 1958, 161–162; Ковалевский 1956, 129]. Поэтому создается впечатление, что отмеченные топонимы и гидронимы могут содержать упоминание об исчезнувших торках. Данный вопрос имеет принципиальное значение, ибо если удастся выяснить, что в основе упомянутых современных названий населенных пунктов и рек лежит этноним *торк*, то можно говорить о том, что потомки огузов-торков продолжали обитать в среднем течении Северского Донца и в монгольское время. Поэтому имеет смысл обратиться к письменным источникам и выяснить, что первично – названия рек или населенных пунктов?

Считается, что наиболее раннее упоминание реки Тор содержится в Ипатьевской летописи под 1185 г. Там, где идет речь о бегстве князя Игоря из половецкого плена, сказано: «И посла Игорь к Лаврови конюшого своего, река ему: “перееди на ону сторону Тора, с конем поводным”...» [Ипатьевская... 1871, 438]. В “Книге Большому Чертежу”, которая отражает знания XVI – начала XVII вв., эта река известна также как Большой Тор с притоком Торец: “А от гнилой Орели к речке Торцу верст в 20; а Торец по леву Муравской дороги пал в Большой Тор ниже Святых гор, от Донца версты в 4” [КБЧ 1950, 64]; “А на леве от Волчьих Вод, к верх реке Тору; а река Тор пал в Донец”

[КБЧ 1950, 65]; “А по правой стороне тое дороги река Тор” [КБЧ 1950, 68]; “А ниже Святых гор, с Крымской стороны, пала в Донец река Тор от Святых гор верст с 15, а в Большой Тор пала речка Торец” [КБЧ 1950, 75], “А ниже Малого перевозу, на Донце, Большой перевоз, ниже усть реки Тору” [КБЧ 1950, 76].

Во второй половине XVII в. в московских актовых документах наблюдаем не только упоминание гидронима **Тор**, но и связанных с ним топонимов. Мы имеем реку Тор [МИКБСОМГ 1886, 82, 127, 128], Торские озера [МИКБСОМГ 1886, 48, 128, 129, 130–132], Торский перевоз [МИКБСОМГ 1886, 82], Торский шлях (дорога) [МИКБСОМГ 1886, 82, 129, 291], а также город Тор, или Торский городок [МИКБСОМГ 1886, 48, 82, 130–132, 155–156, 251]. Известно, что упомянутая река **Тор** сейчас носит название **Казенный Торец**, а город Тор в конце XVIII в. был переименован в Славянск. Существует мнение, что с гидронимом **Тор** связано название города **Краматорска** [Отин 1997, 356–359]. Естественно, что названия населенных пунктов, расположенных в бассейне р. Тора (Казенного Торца), – город **Тор** (Торский городок, Торское городище), село **Торское**, поселки **Торский** и **Торецкий**, – своим происхождением были обязаны гидрониму **Тор** и производным от него названиям рек. Остается лишь выяснить происхождение самого названия реки **Тор**, т. е. имеет ли оно какое-то отношение к торкам или нет?

На сегодня на сей счет существует несколько научных гипотез. Одной из них является индоевропейская, прежде всего славянская. Так, по мнению П. Е. Ваденюка, название **Тор** соотносится со славянским корнем **-тор-** (в словах *торный*, *проторить* и т. п.), который, по его мнению, “выражает понятие движения” [Ваденюк 1978]. М. Фасмер, в свою очередь, связывал гидроним со славянским словом **тор** – “проложенная дорога”, которое находит соответствие в украинском **тор** – “колея” и восходит, по его мнению, к праславянскому глаголу **terti* – “тереть”. Выходит, что гидроним **Тор** получил свое название от того, что здесь было сильное течение воды, которое размывало (буквально “тёрло”) берега [Фасмер 1987]. “Однако принятию славянской этимологии, – отмечает Е. С. Отин, – мешает то обстоятельство, что река Тор в XII веке находилась далеко от южнорусских поселений. Название реке могло дать лишь более или менее постоянное население на ее берегах” [Отин 1997, 355–356].

Следовательно, здесь вполне приемлемы иранская или тюркская гипотезы о происхождении гидронима **Тор**. Так, еще в начале XX в. М. Фасмер предложил и иранскую (скифскую) этимологию: **tura** – “быстрая” [Vasmer 1923]. Не исключено и тюркское происхождение данного названия реки. В связи с этим большой интерес представляет предложенная Е. С. Отиным этимология: «Возможно, что в основе названия **Тор** лежит тюркское прилагательное **тар** – “узкий”, “тесный”, “тонкий”. В большинстве тюркских языков оно представлено в данном звуковом виде, но известны и другие его варианты: узбек. **тор**, туркмен. и азерб. **дар**, уйгур (диалектное) **та**. Корень этот выступает и как глагольная основа **тар** – “суживаться”. В значении “узкий” слово **тар** зарегистрировано и в половецком языке (...Codex Cumanicus...). Такое название этот приток Северского Донца мог получить из-за того, что был узким по сравнению с какой-то другой расположенной неподалеку водной артерией, может быть, с самим Донцом. ...Отождествлению гидронима **Тор** с тюркским прилагательным **тар** – “узкий” мешает отсутствие перехода **a > o** в этом слове в большинстве современных тюркских языков. Но вполне возможно, что гидроним **Тор** образовался на почве одного из диалектов половецкого (куманского) языка с чертами огузской группы языков, одной из которых было огубленное **a** в начальном слоге (**a > o > y**). При освоении славянами неясного половецкого названия **Тар** с лабиализованным **a** могло произойти сближение со словом **тор** – “дорога”, что и было впервые зафиксировано в тексте летописи» [Отин 1997, 356].

Данное предположение о кипчакско-огузском происхождении названия реки **Тор** не находит возражений со стороны исторических источников. Так, данные археологии свидетельствуют о том, что именно в данном районе до половцев проживали огузы-

торки [Плетнева 1958, 161–162]. Отметим, что в последний раз торки Северного Приазовья упомянуты в “Повести временных лет”, где сообщается, что в 1103 г. киевский князь Святополк Изяславич и переяславский князь Владимир Всеволодович Мономах совершают поход в низовье Днепра, до острова Хортица, откуда они двинулись к реке Сутин (Молочная). В результате четко спланированной военной акции древнерусские войска одержали победу над половцами и их союзниками, среди которых были торки и печенеги. Русью была захвачена большая добыча и большое количество пленных, среди которых были “Печенеги и Торки с вежами” [Повість... 1990, 427–433]. Нет сомнений в том, что эти плененные торки и печенеги были поселены древнерусскими князьями на южных границах Руси для отражения нападений половцев. Другая же часть торков могла еще оставаться на правах родовых групп в составе племен придонских половцев. Естественно, уже к концу XII в. эти потомки торков могли быть ассимилированы кипчаками-половцами в языковом отношении, и при этом они могли сохранять прежние черты своей фонетики. Поэтому нет ничего удивительного, что именно в этом районе в конце XII в. древнерусская летопись зафиксировала несколько необычное название реки – *Тор*.

Таким образом, можно констатировать, что в монгольское время политика монголов по переселению народов не затронула торков, проживавших на территории Галицко-Волынского княжества и сопредельных территориях Южной Руси. Хотя лишь незначительная часть торков осталась в Поросье. Остались торки при монголах и на землях Болховщины (нынешней Винницкой обл.), не являвшейся до этого частью земель собственно Руси. Что же касается левобережных торков, то торки Переяславского и Черниговского княжеств были ассимилированы славянами уже до монгольской экспансии. И совершенно нет никаких оснований говорить о длительном пребывании торков в среднем течении Северского Донца. Не исключено, что в предмонгольский период одна часть их была ассимилирована половцами, а другая часть могла переселиться на Русь.

ЛИТЕРАТУРА

- Баскаков Н. А.* Модели тюркских этнонимов и их типологическая классификация // **Ономастика Востока**. Москва, 1980.
- Баскаков Н. А.* **Тюркская лексика в “Слове о полку Игореве”**. Москва, 1985.
- Березин И.* Нашествие Батые на Россию // **Журнал министерства народного просвещения**, 1855, № 86 (апрель), II отделение.
- Брун Ф.* **Черноморье**. Т. I. Одесса, 1879.
- Ваденюк П. Е.* Где нужно искать ту реку...? // **Труды Третьего археологического съезда в России**. Т. II. Киев, 1978.
- Вінницька область // **Історія міст і сіл УРСР**. Київ, 1972.
- Волинська область // **Історія міст і сіл УРСР**. Київ, 1970.
- Воскресенская летопись // **Полное собрание русских летописей (ПСРЛ)**. Т. VII. Санкт-Петербург, 1856.
- Головко О. Б.* Торки в історії причорноморських степів // **Східний світ**, 1999, №1–2 (Етимол. До 80-річчя академіка О. Прицака).
- Головко О. Б.* **Корона Данила Галицького: Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя**. Київ, 2006.
- Голубовский П.* **Печенеги, торки и половцы до нашествия татар**. История южнорусских степей IX–XIII вв. Киев, 1884.
- Грушевський М.* **Історія України-Руси**. Т. II. Київ, 1992.
- Гундогдыев О.* **Прошлое туркмен**. Москва, 1998.
- Еремеев Д. Е.* К семантике тюркской этнонимии // **Этнонимы**. Москва, 1970.
- Житомирська область // **Історія міст і сіл УРСР**. Київ, 1973.
- Иванов П. П.* Каракалпаки // **Советская этнография**. Т. 4. Москва – Ленинград, 1940.
- Ипатьевская летопись // **ПСРЛ**. Т. II. Санкт-Петербург, 1843.
- Ипатьевская летопись // **ПСРЛ**. Т. II. Санкт-Петербург, 1871.
- Ипатьевская летопись // **ПСРЛ**. Т. II. Санкт-Петербург, 1908.
- Карамзин Н. М.* **История государства Российского**. Т. II. Санкт-Петербург, 1818.
- Карамзин Н. М.* **История государства Российского**. Т. V. Санкт-Петербург, 1892.

- Карпини П. История монгалов // Карпини П. **История монгалов**. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. Москва – Ленинград, 1957.
- КБЧ 1950. – **Книга Большому Чертежу**. Москва – Ленинград, 1950.
- Київська область // **Історія міст і сіл УРСР**. Київ, 1971.
- Ковалевский А. П. **Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.** Харьков, 1956.
- Константин Багрянородный. **Об управлении империей** / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. Москва, 1991.
- Кудряшов К. В. **Половецкая степь**. Москва, 1948.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. Санкт-Петербург, 1846.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. Ленинград, 1926–1928.
- Львівська область // **Історія міст і сіл УРСР**. Київ, 1968.
- Ляскоронский В. Г. **К вопросу о переяславских торках**. Санкт-Петербург, 1905.
- Масальский В. И. Туркестанский край // **Россия**. Т. 19. Санкт-Петербург, 1913.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении**. Т. I. Москва – Ленинград, 1939.
- Менгенс К. Г. **Восточные элементы в “Слове о полку Игореве”**. Ленинград, 1979.
- МИКБСОМГ 1886. – **Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI–XVIII столетии** / Под. ред. Д. И. Багалея. Харьков, 1886.
- Моргунов Ю. Ю. Еще раз о “переяславских торках” // **Российская археология**, 2000, № 1.
- Никитин А. Л. **Основания русской истории**. Москва, 2001.
- Отин Е. С. Тор и Краматорск // Е. С. Отин. **Избранные работы**. Донецк, 1997.
- Отрощенко В. В., Вовк Т. А. Золотоординський період в історії половців // **Етноси України. Тюркський світ**. Київ, 2000.
- Повесть временных лет** / Под ред. Д. С. Лихачева. Ч. I. Москва – Ленинград, 1950.
- Повість врем’яних літ**. Літопис (за Іпатським списком). Київ, 1990.
- Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // **Материалы и исследования по археологии СССР (МИА)**. № 62. Москва, 1958.
- Плетнева С. А. **Древности Черных Клобуков**. Москва, 1973.
- Плетнева С. А. Печенеги, торки, половцы // **Степи Евразии в эпоху средневековья** (Археология СССР). Москва, 1981.
- Плетнева С. А. **Половцы**. Москва, 1990.
- Попов А. И. **Названия народов СССР**. Ленинград, 1973.
- Радзивилловская летопись // ПСРЛ. Т. XXXVIII. Ленинград, 1989.
- Расовский Д. А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // **Seminarium Kondakovianum**. Т. 6. Praga, 1933.
- Расовский Д. А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // Д. А. Расовский. **Половцы, Черные Клобуки: печенеги, торки и берендеи на Руси и в Венгрии (работы разных лет)**. Москва, 2012.
- Рашид-ад-дин. **Сборник летописей**. Т. I. Кн. I. Москва – Ленинград, 1952.
- Рашид-ад-Дин. **Сборник летописей**. Т. II. Москва – Ленинград, 1960.
- Рашид ад-Дин. **Джами’ ат-Таварих**. Критический текст. Т. II. Ч. I. Москва, 1980.
- Росляков А. А. **Краткий очерк истории Туркменистана** (до присоединения к России). Ашхабад, 1956.
- Стороженко А. В. **Где жили Переяславские Торки?** Киев, 1899.
- Стороженко А. В. **Очерки Переяславской старины**. Киев, 1900.
- Толочко П. **Кочевые народы степей и Киевская Русь**. Киев, 1999.
- Фасмер М. **Этимологический словарь русского языка**. Т. III. Москва, 1987.
- Федоров-Давыдов Г. А. **Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов**. Москва, 1966.
- Шрамко Б. А. **Древности Северского Донца**. Харьков, 1962.
- Vasmer M. **Iranier in Sudrussland**. Leipzig, 1923.